

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ

РАССКАЗЫ

— Валь, а что нужно делать? — спрашивает Ира и неуверенно смотрит на подругу.

— Ну, ты даешь, мать! — Валентина даже всплескивает полными руками. — В поезде никогда не ездила? Не знаешь, что проводники делают?.. Билеты проверила, белье разнесла, титан раскошегарила — делов-то! Что, не сможешь? Запросто!

Ира опускает голову и задумчиво мешает ложечкой чай. Она всё ещё сомневается.

— А если пьяный или без билета лезет? Я пьяных боюсь.

— Бригадир на что? Ссадили с поезда, и все дела. Или в милицию на станции сдали, у нас особо не понаглеешь. — Валентина смотрит на подругу и добавляет веский аргумент: — Подработать можно, навар всегда есть. Я из поездки без навара не возвращаюсь.

Ира бледно улыбается.

— Ты про бутылки, что ли?

— Бутылки тоже. И другое кое-что, потом расскажу. Да ты соглашайся, не думай!

Ира и Валентина — противоположность друг другу. Ира высокая, сухопарая, рассудительная. Валентина низкорослая, полная, с авантюрной жил-

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович родился в 1945 году на Украине. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, Литературной консультации Союза писателей СССР, Министерстве печати России. Автор нескольких сборников прозы, его произведения переводились на украинский и арабский языки, а также на язык дари (Афганистан). Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа по литературе. С 1994 года живёт в с. Больше-тархово Нижневартовского района.

кой. Ира до последнего держалась в заводском архиве, пока жизнь на предприятии окончательно не захирела, а Валентина где только за перестроечные годы не успела поработать. Даже салом возле универсама торговала.

Познакомились, как у женщин бывает, благодаря детям. Обе родили в одно время и, гуляя с колясками во дворе своего многоэтажного дома, разговаривались. Дети выросли, но Валентина с Ирой подругами быть не перестали. А тут еще общая беда, развод с мужьями. У Иры муж ушел с завода, стал челночить. В Польше, куда ездил за товаром, познакомился с какой-то женщиной и остался у нее.

У Валентины вышло по-другому. Собственно говоря, развод с мужем несчастьем она не считала. Валентина только официально выходила замуж четыре раза и смотрела на очередное расставание спокойно, дескать, на ее век мужиков хватит. Ира про себя удивлялась такой уверенности — это при Валентининых-то данных!.. Однако ничего ей, понятно, не говорила.

Делать было нечего, нужно было соглашаться. Бывший муж ни денег, ни вещей не присылал, сын Виталька, окончив школу, на работу устраиваться не стал — ждал, когда заберут в армию. А тут еще архив закрыли, пересох даже этот скудный ручеек зарплаты.

— Чего ты еще думаешь! — сердится на Ирину нерешительность Валентина. — Не знаешь, как в нашем возрасте устроиться тяжело?.. Она думает!

Ира молча смотрит на белый пластик кухонного стола. Наконец говорит:

— Надо, наверно, в отдел кадров обратиться? Расскажи хоть, как к ним добраться.

— А чего рассказывать, — обрадовалась Валентина, — завтра вместе и поедем! Я за тебя слово замолвлю. Это раньше всех подряд брали, а сейчас с разбором. Фирма у нас солидная, зарплату платит вовремя, сама увидишь.

Ира, вода ложечкой в давно остывшем чае, некоторое время ничего не говорит. Лицо у нее несчастное.

— Валь, я хочу с тобой. Хотя бы первое время.

— И я тоже хочу! Попрошу бригадира, чтобы к нам взял. Будешь у меня напарницей. Да не трусь ты, ей-богу!..

У себя дома Ира долго стоит у окна. Витальки нет, опять куда-то смотался, в квартире тишина. Ира смотрит во двор, и ощущение неприкаянности становится всё острее. Снег растаял, двор от этого кажется особенно неуютным, серым, деревья голые. А в их углу на работе уже почки на сирени, наверно, лошнули, мать-и-мачеха зацвела. Угол между двумя стенами заводоуправления, там затишек, солнце практически целый день светит, так что всё распускается раньше.

Ира вздыхает. В эту пору, если не было срочной работы, она в их углу разбивала клумбу и аккуратно высаживала выращенную на подоконнике рассаду цветов. Теплынь, пахнет влажной землей, солнышко плечи греет...

Видно, никогда этого уже не будет. Ира чувствует, что может заплакать, но берет себя в руки и лишь еще раз вздыхает.

Обстановка в отделе кадров ей нравится — это уже на следующий день, когда Ира вместе с Валентиной приезжает в резерв проводников. Держа в руках бумаги, сотрудницы с озабоченным видом стучат каблучками по коридору, иногда перебрасываются короткими деловитыми фразами. В большинстве это молодые, в тесных джинсах девчата. Чувствуется, работа в резерве проводников кипит. Об унынии, в котором последнее время находились работники Ирино завода, здесь и речи быть не может.

— А мы к тебе, Марья Сергеевна, — поет Валентина, заходя с подругой в один из кабинетов. Ира и не знала, что Валентина может быть такой сладкоголосой. — Здравствуйте, девоньки! — здороваются Валентина с остальными сотрудницами, столы которых тесно, один к одному, стоят в кабинете. — Вы как к трюфелям относитесь? По глазам вижу, положительно. Это вам к чаю. — И Валентина достает из пакета и кладет на стол Марьи Сергеевны красивую коробку. — Ох, девоньки, выручайте хорошего человека, на вас одна надежда! Завод закрыли, без работы моя подружка осталась. Ещё муж-кобелина сбежал.

Насчет мужа, конечно, лишнее, да еще кобелина, но Ира улыбается, старается понравиться. Разбитная, способная без мыла влезть в любую щель Валентина её порой раздражает, но чаще — особенно в последнее время — эта способность вызывает у Иры зависть. Она так не умеет. С застывшей улыбкой Ира садится на стул, пишет заявление и заполняет анкету. С такой же скованной улыбкой отдает их Марье Сергеевне.

Большинство сотрудниц в кабинете молодые, как и те девчата, что встречались в коридоре. Ира неуверенно поглядывает на них. Раньше она не думала о том, что старше, но после того, как несколько раз, когда пыталась устроиться на работу, услышала, что берут женщин до сорока, стала чувствовать себя чужой. Хорошо, хоть Марья Сергеевна не первой молодости, может, отнесется с пониманием.

— Я с тобой за такие конфеты до конца жизни не рассчитаюсь, — говорит Ира, когда они спускаются по лестнице на улицу.

— А! — легко отмахивается Валентина. — Не такие уж дорогие. Ты лучше на поездку настраивайся.

— Так когда еще приказ будет. Если подпишут...

— Не бойсь, всё путём! Марья постарается, она мне должна.

Ира помолчала.

— Деньги, что ли?

— Ну ты даешь, мать! Что ты всё на деньги сводишь! Отношения дороже любых денег. От отношений и деньги бывают... Выручила я её как-то. — И Валентина замолкает, в подробности не вдается.

Следующие несколько недель проходят в хлопотах. Приказ о том, что Ира принята на курсы проводников, подписывают быстро. Потом учеба, инструктажи, получение и подгонка формы, другие дела. Ира едва дождалась, когда Валентина вернулась из очередной поездки, — будет у нее проходить практику.

И вот подруги опять сидят на кухне, на этот раз в Ириной квартире, и пьют не чай, а итальянское вино. Ира заняла, но купила — как-никак событие, устроилась наконец-то на работу, пусть пока это и практика.

— Тебе форма идет, — оценивающе разглядывая подругу, говорит Валентина. — Ты стройная, пассажиры кадриться будут.

— Вот ещё! — смеется Ира. Она, чтобы привыкнуть и показать подруге, надела форму и уже знает, что Валентина договорилась с бригадиром, они будут работать вместе в плацкартном вагоне. Настроение у Иры приподнятое. Она рада и немного нервничает — неизвестно ещё, как всё будет.

— А чего? Мы ещё нестарые, ко мне кадрятся, — развивает тему Валентина. — Бывает, приглашу к себе в купе, ну и...

— Да ты что! — Ире неловко и в то же время интересно. После развода она думала, что мужчины для нее больше не существуют. Оказывается — нет, существуют. Только как-то слишком легко у Валентины всё получается, несерьезно.

— А чего? Я свободная женщина, ты, кстати, тоже... Орден всё равно не дадут!

Но всё это так, мимоходом, полушутя. Хотя и выпили, но женщины они взрослые, для них есть темы поважнее. У Иры на шее Виталька, а у Валентины целая семья — дочь с ребенком, родила в десятом классе, надо помогать. Валентина возит с оптового рынка в Екатеринбурге ходовые вещи, там они дешевле, и сдает знакомой в киоск. Кое-какую копейку на этом имеет. Или те же бутылки из-под пива и водки. Сейчас всё больше пластмассовые "полторашки", но и стеклянные поллитровки пассажиры оставляют, собирай и сдавай. Надо крутиться, время такое. Опять же китайки...

— Китайки — это китайцы-женщины? — не понимает Ира. Вино ударило в голову, но она старается внимательно слушать подругу. Хочешь не хочешь, тоже придется этим заниматься, деньги ой как нужны. Пока искала новую работу, последние запасы с Виталькой проели.

— Да нет, белье такое... Потом расскажу.

Разговор прыгает с одного на другое, долго на одной теме не задерживается. Подруги отдыхают, отводят душу — день сегодня такой, расслабуха, как говорит Валентина.

Бригадир похож на Якубовича, разве что не седой. Живой, быстроглазый, с такими же, как у Якубовича, усами. Ире кажется, бригадир вот-вот бодро крикнет: “Откройте следующую букву! Подарок в студию!..”

— Так вот она у нас какая, Ирина Викторовна, — говорит он, заходя в их плацкартный вагон, ещё пустой и тихий. Он мимолетно, но внимательно смотрит Ире в глаза и касается пальцами усов. — Читайте, вам повезло, с лучшей проводницей будете работать. У нее есть чему поучиться.

— Да ладно тебе, Ген!.. — свойски машет на него рукой Валентина, отрываясь от пересчета одеял, стопками сложенных на верхней полке. Чувствуется, ей приятно.

— Почему ладно? Толковых работников мы ценим. Особенно, если они толковые во всех отношениях...

Бригадир улыбается, задерживает на Валентине взгляд, и Ира догадывается, что у слов есть какой-то смысл ещё. Но думать об этом некогда, нужно всё как следует подготовить к поездке. Работа в архиве приучила Иру к аккуратности, да и характер у нее такой, ответственный.

Бригадир и Валентина перекидываются короткими, не очень понятными фразами, а Ира направляется к дальнему туалету. Надо проверить, всё ли там в порядке, чисто ли. Она уже знает, что надо делать, принимая вагон, на курсах научили.

— Генка тебя просил зайти, — говорит подруга, когда Ира возвращается в купе проводников.

То, что Валентина называет начальство по имени, Иру не удивляет — подруга быстро сходится с людьми и почти сразу начинает говорить “ты”. Удивительно то, что она вдруг понадобилась бригадиру. Ведь только что был здесь.

— Чего это?

— Говорит, в какой-то ведомости расписаться должна... Шестой вагон.

Недоумеая, Ира надевает ладную форменную куртку, спускается из вагона. Состав стоит в тупике, до отправки ещё около часа. Слышно, как на вокзале гулко объявляют об отправлении пригородных электричек, пахнет угольной гарью — это в вагонах топят печи... Ничего, вроде бы, нового, Ира десятки раз бывала на вокзалах и ездила в поездах, но сейчас ко всему, что происходит вокруг, имеет отношение она сама.

Ей тревожно и радостно, как в молодости.

— Прошу, — говорит похожий на Якубовича бригадир и заводит в свое купе. — Раздевайтесь, здесь тепло. Я помогу.

Ира отстраняет его руку.

— Я так.

— Нет, у нас так не положено, — улыбается бригадир и расстегивает молнию на ее куртке. — Валентина тебе говорила, у нас полувоенная организация? Начальник приказал, надо выполнять. И вообще с начальством надо дружить...

Слова Иру настораживают, она подбирается. А Геннадий, расстегивая куртку, задерживает руку на её груди дольше, чем нужно, приговаривает:

— Сегодня я взял тебя в бригаду, завтра могу отказаться, желающих хватает. Я, например, бальзаковский возраст уважаю, а другие бригадиры молодых любят, они, типа, шустрей... Ну чего ты, как неживая? Давай, до посадки еще полчаса, успеем.

Как Ира выскочила из бригадирского вагона, она не помнит. Пока возвращалась в свой, немного отошла. На Валентину посмотрела пристально: знала или нет, для чего вызывают? И почему не предупредила, если знала?..

Подруга занимается странным делом. Из большого серого мешка достает простыни и наволочки, по одной раскладывает на полке, брызгает из пульверизатора и в несколько раз складывает. Стопка влажного белья растет. Трагедии из бригадирского поступка Валентина делать не собирается, говорит просто:

— К тебе, значит, тоже?.. Это у него хобби такое, наш возраст, вся бригада через него прошла. Не мытьем так катаньем... А вообще-то, смотри проще. Взрослая женщина, не увидит.

Ира отводит глаза. Если по-человечески, с ухаживанием, с цветами, она, может, отнеслась бы по-другому, мужчина бригадир внешне вроде ничего. А так — по-собачьи, на ходу... Ещё шантажирует. Выражение Ирино лица не нравится Валентине, она резко, почти со злостью бросает:

— Ты среди своих инженеров избаловалась, настоящей жизни не видела!.. Не девочка, привыкай!

Ира не отвечает. Ладно, сегодня выкрутилась, думает она, а потом?.. И пожаловаться некому, не в резерв же проводников идти жаловаться. Только опозоришься.

Посадка отвлекает Иру. Как всякая женщина, она немного актриса, ей нравится роль радушной хозяйки. Тем более, что купившие билеты в их вагон в основном приятные, симпатичные люди. Молодая мамочка с годовальным на вид малышом, пенсионер в потертой дубленке, две женщины где-то её, Иры, возраста, солдат, возвращающийся из отпуска...

Как её учили, Ира проверяет на билетах номер поезда и дату, смотрит, чтобы фамилия на билете и в паспорте соответствовали.

— Пожалуйста, заходите... Семнадцатое место, это нижняя полка, как раз для вас, — говорит она пенсионеру в потертой дубленке.

Тот добродушно усмехается:

— Что, старый? Наверх не залезу?

— Я не в этом смысле... — смущается Ира.

Пенсионер ободряет её:

— Всё нормально, не тушуйся!

Мамочку с годовальным малышом никто почему-то не провожает, Ира поднимает в вагон её довольно объемистую сумку и просит солдата:

— Молодой человек, помогите девушке, у нее девятое место... Спасибо.

На женщин её возраста Ира смотрит с особым расположением. Может, тоже остались без работы и сейчас челночат, а что делать, приходится. Мотаются по поездам с большими клетчатými сумками, мерзнут на рынках, боются воров и рэкета... По нынешним временам самый несчастный возраст. И до пенсии ещё далеко, и уже немолодые, на работу особенно не берут. Ире хочется этим женщинам сказать или сделать что-нибудь хорошее, но она не знает, что и просто здороваются:

— Здравствуйте!..

Когда наступает время отправления, в тамбуре появляется Валентина. Отправление — дело ответственное.

— Поднимайся, — командует она. — Иди пока в купе.

Придерживаясь за поручень, Ира поднимается по насквозь просвечивающим ребристым ступенькам в тамбур. Ей приятно. Кажется, справилась с посадкой неплохо. Не боги горшки обжигают.

В купе проводников за откидным столиком она видит мужчину. “Ещё один?..” — мелькает испуганная мысль. Но мужчина ведет себя скромно. Поднимает голову, мельком смотрит на Иру и опять принимается за кроссворд.

Ира возвращается в тамбур и спрашивает, кивая в сторону купе:

— Кто это?

— Безбилетник, — спокойно отвечает Валентина. — И нам хорошо, и ему — за полцены едет.

— А если контроль?

Валентина придавливает крепкой, с тугой икрой ногой рифленую площадку над ступеньками, захлопывает дверь в вагон.

— Ты, мать, вообще! — Она с сожалением, как на неразумное дитя, оглядывается на подругу. — Слышала поговорку, кто не рискует, тот не пьет шампанское? Или вообще кладет зубы на полку. Этого хочешь? Не надоело?..

Но самое плохое начинается, когда Ира принимается раздавать белье. Валентина не успела — едва собрала билеты, как по внутрипоездному вещанию объявили, чтобы от каждого вагона к бригадире явился проводник.

— Нам бы белье, — первой обратилась одна из тех двух женщин, на которых Ира обратила внимание при посадке.

До вечера, конечно, далеко, но люди хотят лечь отдыхать. Когда Ира сама была пассажиркой, она тоже так делала — мерное постукивание колес клонит в сон. А что ещё в вагоне делать?

За женщиной стали подходить за бельем другие. Не прошло и нескольких минут, как женщина вернулась.

— Девчата, что это у вас с бельем? Мокрое какое-то, в желтых пятнах... Замените.

Ира заменила комплекты. Про себя подсадовала, плохо прачечная работает. Но и эти комплекты не устроили женщин. Вскоре появилась вторая из них. Эта была настроена решительно:

— Вы что нас дурите! Мы что, не имеем права за свои деньги получить нормальное белье? Вы знаете, как нам эти деньги достаются?.. Бессовестные!

Иру будто кипятком ошпарили. Таких слов она не заслужила.

— Мы-то при чем? Такое белье из прачечной поступило.

— Не делайте из нас дур! Это же китайки! Бизнес на нас устроили. Немолодая, совесть должна иметь, а туда же!..

Иру не знала, куда деться от стыда. А тут еще безбилетник оторвался от своего кроссворда и усмешливо посмотрел в ее сторону. Вот, оказывается, что такое “китайки”! Это их делала из использованного белья Валентина, когда Ира вернулась от бригадира. Тогда было не до того, переживала и по-настоящему не обратила внимания. О, господи!..

А тут и пенсионер подоспел, от его добродушия не осталось и следа:

— Мы-то ладно, а детям за что? Вон их сколько в вагоне, запросто заражаются! Может, туберкулезные на этих наволочках спали и полотенцами вытирались. Совсем обнаглели! Сталина на вас нет!.. — И чуть ли не в лицо швырнул “китайки”.

Молодая мамочка, которой Ира помогала подняться в вагон, ругаться не пришла, но выглядывала из своего отсека осуждающе.

Когда Валентина вернулась в вагон, Ира всё для себя решила. Подруга быстро замяла конфликт — оказывается, у нее в запасе были нормальные, неиспользованные комплекты. “Кто тебя просил, подождала бы!” — шепотом подсадовала она на Иру. Та ничего отвечать не стала, вышла в тамбур, принялась молча смотреть в окно.

Под ногами тупо бились колеса, за стеклом бежали перелески. Нет, не умеет она так. Из другого она теста, не ее это дело — ловчить и обманывать. Как-то жила раньше и сейчас проживет. А работу она себе найдет. Да хоть подъезды пойдет мыть, там на возраст особо не смотрят.

Лишь бы по-человечески всё было.

РЕКА

Менять русло Река начала задолго до появления на рыбоучастке Олега. Дембель восемьдесят второго года, он завербовался на рыбоучасток, чтобы заработать на мотоцикл, и уже тогда Река подмывала старую черную контуру, а противоположный берег был низкий и плоский, словно по нему долго елозил бульдозер. Это Река отступала в одном месте, чтобы рушить берег в другом. Противоположный берег пустым однако не был, он давно превратился в заливные дуга, а по краю порос тесным тальником, но ощущение скучного голого простора оставалось. Легко верилось, что когда-то там текла вода и плавали чебаки, сомага и щуки.

Олег осваивал немудрящую профессию рыбака, пил водку с другими вербованными, среди которых встречались недавние зеки, как-то его порезали, и он почти два месяца пролежал в районной больнице. После случившегося мечту о “ИЖе” пришлось забыть — тяжело работать Олег больше не мог, пить тоже. Его поставили на женскую должность, приемщиком рыбы, появилось свободное время, и Олег стал задумываться о вещах, которые раньше не приходили в голову. Это уже при нем рухнула в воду старая контора, большими глинистыми пластами обваливался высокий берег, особенно в половодье, которое в здешних местах приходилось на июнь и захватывало часть следующего месяца. Потом наступила очередь ледника, тот погибал медленно, вкривь и вкось висели над обрывом еще крепкие бревна с ошметками слежавшегося темного мха. Видеть это было неприятно.

— А и хрен с ним! — говорил бондарь Киндинов, замечая Олегов взгляд. Когда не было работы, они сидели на лавке у бондарки и курили, отгоняя дымом комаров и мошку. Из помещения остро, скипидарно пахло свежими заготовками для бочек, от оставшегося после половодья озерца слышались ломкие голоса. Там горел костер, возле него, сунув руки под мышки и зябко подняв плечи, грелись выскочившие из воды пацаны в обвисших мокрых трусах. В Реке здесь не купались, слишком холодная. — Чего его жалеть, ледник этот, теперь у нас морозильная камера на пять тонн. Мало мы жили с кабанями рвали? Считай, одной пердячей силой, техники никакой. Тебе не пришлось, а мне — эге!.. Теперь-то чего, теперь нормально, теперь до нас прогресс дошел.

“Кабанами” называли прямоугольные глыбы льда в тонну-полторы весом, их раньше пешнями выдалбливали в зимней Реке. Потом хитрыми приемами вываживали из воды, чтобы погрузить на сани и отвезти в ледник, в котором рыба хранилась летом до того, как ее забирали на рыбозавод на переработку. Рассказы об этом и многом другом, что было прежде, Олег слышал не только от бондаря, но и от рыбаков. В рассказах было немало удивительного. Соль, говорили, помогала поддерживать в леднике нужную температуру. А чебаков и щук, чтобы не теряли в весе, покрывали ледяной глазурью, окуная для этого в воду. Еще раньше, когда не было рыбозавода, копали большие садки и выпускали туда летний улов, чтобы зимой взять его неводом и отправить в Тобольск или даже Тюмень обозом... На рыбоучастке и рядом в деревне с интересным названием Рябинки шла жизнь, которую ни во время службы, ни тем более в доармейские годы Олег даже представить не мог. И это тоже казалось удивительным.

На мотоцикл он все же накопил, однако для этого пришлось работать несколько сезонов. Но в конце концов купил не его, а лодку и мотор “Ветерок”. Когда денег собралось достаточно, Олег вернулся было в родной поселок на Тамбовщине, но там ему показалось как-то тесно и многолюдно, от чего он на Севере отвык. Большинство друзей женились, холостые каждый день пили, и мечта гонять по широким пыльным улицам на “ИЖе”, которая за годы после армии и без того потускнела, теперь вовсе сошла на нет. Недолго погостив у родителей, поскучав во время застолий (не пил), он вернулся на рыбоучасток и у одного рябинковского мужика купил моторную лодку. Тайная жизнь Реки притягивала его, хотя Олег этого толком еще не осознавал.

Бензин в середине восьмидесятых стоил копейки. Запасаясь несколькими канистрами, Олег на десятки километров поднимался вверх или спускался вниз по течению, побывал в редких деревнях и объездил все окрестные старицы, по-местному, соры. Странно было думать, что Река текла когда-то здесь, а не там, где течет сейчас. Олег пробовал понять, отчего так происходит, что заставляет ее менять русло, какие неизвестные силы направили течение возле Рябинок на высокий и, казалось, несокрушимый берег, но у него не получалось.

— Хе, запросто! — отвечал бондарь Киндинов, с которым Олег сошелся ближе, чем с другими мужиками. — Нефтяники песок для своих кустов намывали? Намывали. А где его взять? Карьер, что ли, открывать, дорогу отсыпать, самосвалами возить?.. Ага, сейчас — из реки! Бросили трубы —

и вперед! Стрежень поменялся, стал бить в наш берег. От стрежня вся вшивость, говорю тебе. Не нарушили бы — все нормально сейчас было!

Такое объяснение казалось Олегу слишком неинтересным, пресным, что ли. В нем не было сумеречной жизни ям с родниками, в которых собиралась во время заморов рыба, завихрений глубинных струй, выходящих на поверхность полированным неслышным бурлением, равнодушной мощи воды, неспешно двигавшейся с востока на запад. Олег спрашивал:

— А раньше почему? Стариц вон сколько. Тогда, наверно, и люди здесь еще не жили, а река менялась, текла по-другому.

Бондарь на секунду опускал голову, растирал сапогом бычок, потом стремительно вскидывал глаза:

— Охота тебе мозги сушить? Молодой парень, а стариковским делом занимаешься, думаешь-гадаешь. Лучше пошли сегодня к Марго, она двоих принимает тоже.

Киндинов был лысый, с курчавящимися над ушами остатками полуседых волос, однако оставался завзятым ходоком. Прилепи ему рожки — настоящий сатир, которого в детстве Олег видел в книжке древнегреческих мифов. Марго, бабенка со щербатым ртом, была известна в Рябинках любвеобильным нравом. Имя у нее такое было или просто кличка, никто точно не знал, разве что в сельсовете.

— Или ты свою Кирилловну боишься? О, та накостьляет, мало не покажется. Рука у нее — ого! Все остальное тоже. — Киндинов подмигивал, азартно подавался вперед. Он садился на любимого конька, сбить с которого его было невозможно.

— Что мне ее бояться?

— Это ты кому другому Расскажи! Не захочешь, такая сама оприходуется. С голдухи, небось, зубы сводит. После Октябрьских третий год пошел, как мужик у ней утоп... Было у вас, нет?.. Нет? Ну и дурак! Жизнь-то идет. — Бондарь на секунду замолкал, пытливо смотрел на Олега. — Или ты на ее Женьку глаз положил?.. А чего, нормально, только молодая. Гляди, за малолетку срок схлопотать можно!..

У Валентины Топорковой, которую из-за комплекции звали по отчеству, Игорь стал снимать угол, когда после больницы ушел из общаги. Она работала на рыбоучастке засольщицей, без труда ворочала полные бочки, ее дом стоял на берегу Реки, чем Олегу сразу понравился. Возле него в ледоход собирались рябинковские мужики, курили, переговаривались и смотрели вверх по течению, прикидывая, скоро ли очистится вода. Настроение передавалось Олегу, он тоже смотрел на Реку, слушал разговоры, шуршание и легкий звон касающихся одна другой льдин, и внутри у него начинало мелко дрожать. Будто и он больше полугода ждал этого времени, и ему тоже предстояло спускаться на воду лодку и куда-то плыть. Олег не только купил моторку, но и обзавелся ружьем и сетями на стерлядку, которая заходила из Оби. Ружье и сети купил в основном для того, чтобы не говорили, будто он своими поездками вверх и вниз по течению дурью мается.

Часто он брал с собой Валерку, сына Кирилловны. Серьезному этому подростку, отличнику местной школы, тоже нравилась долгая езда вдоль поросших тальником берегов “материка” с кондовыми остроконечными елями и кудрявыми кедрами, мимо вдающихся в Реку светлых отмелей (по-местному, песков), среди намытых течением недолговечных островов. Олегу казалось, Валерка тоже думает о тайной жизни Реки, приводящей к переманам. Как и он, помнит о ней даже тогда, когда они стреляют уток на старицах, ставят на дальних песках стерляжьи сети, а в половодье пригоняют к Рябинкам подмытые Рекой деревья, чтобы затем, когда большая вода спадет, распилить их и топить зимой печку.

Похоже, смерть ушедшего под неокрепший лед вместе с “Бураном” отца не сделала Реку враждебной для Валерки. Смущаясь, он называл реки важными транспортными артериями, дорогами жизни, особенно в давние времена. Так было написано в учебнике. В самом деле, как еще связаться между собой людям, если болота и леса намертво отрезали населенные пункты друг от друга, словно запирали на замок. А ни железных дорог, ни обыч-

ных тогда еще не было, самолетов и вертолетов тем более. Только по рекам. Транспортные артерии, дороги жизни.

В горбачевские годы нефтяники организовали в Рябинках подсобное хозяйство. С продуктами становилось все хуже, рабочих же на месторождениях надо было кормить. Платили в подхозе нормально, и многие рыбаки и засольщицы перешли туда, стали работать скотниками, доярками или на свиноферме. Тем более что рыбоучастку жить оставалось недолго. Река подмывала уже новую контору, подбиралась к бондарке и морозильной камере. Над обрывом повисли крайние венцы склада, из которого пришлось забрать сети, запас соли и остальное. Все чаще тяжелые пласти высокого, на вид вечного берега с грохотом рушились в воду. По ночам это напоминало далеко разнесшиеся пушечные выстрелы. Рыбозаводское начальство вместе с райисполкомом планировали берегоукрепительные работы, составили даже смету, но наступили времена, когда стало не до того.

— Что дется, что дется... — слабым голосом сокрушалась свекровь Кирилловны, коричневые мешки под ее глазами тряслись. Старуха давно болела, в основном, лежала, целыми днями слушала радиоточку, транслирующую съезды народных депутатов и другие перестроечные передачи. Смотреть недавно купленный черно-белый телевизор она не могла, жаловалась, что кружится голова. — В наши годы и не за такое ссылали. Тогда попробуй слово скажи, враз к черту на кулички упекут. А сейчас...

Олег улыбался:

— Дальше на Север, что ли?

— А что ты думаешь. Тятину семью из-под Увата сослали, тоже не юга. Тятя говорил, бьют и плакать не дают...

Старуха с паузами, передыхая, принималась рассказывать, как было раньше. Рябинки назывались Юртами Рябинковскими, до спецпереселенцев здесь жили одни ханты. Воровства не было, вместо замков прислоняли к двери батожок, дескать, никого дома нет. Продавать за деньги рыбу, кедровый орех или ягоду принято не было — давали так, в другой раз ты мне дашь. Спецпереселенцев записали в колхоз, выращивали всё, даже пшеницу. Работать приходилось тяжело, но жили неплохо, чтобы голодать, этого не было. После войны жизнь снова переменялась. Колхоз распустили, на Севере, дескать, невыгодно, открыли рыбоучасток. Ничего, люди приспособились и к этому. А то не приспособишься, когда детей растить надо, самим жить. Чего эти по радио сейчас кричат? Каких таких перемен им нужно? Главного не переменяешь, что ни случись, а жить надо. Уж как казалось тяжело, когда тятину семью разорили, в дикое место сослали, а жили... Старуха замолкала, настораживалась.

— Чего это? Опять рушится?

Олег отрывался от дела, на несколько секунд застывал тоже. Но чтобы обваливался подступавший к дому Топорковых берег, слышно не было.

— Показалось.

— Какой показалось! У меня каждый раз внутри прыгат. Говорю Вальке, раскатывай избу, перебирайся отсюда, пока не поздно. О Валерке и Женьке подумай, сама еще не старая!..

Олег чинил сети, вполуха слушал хозяйкину свекровь, поглядывал в телевизор — и чувствовал себя странно. В доме будто зависло, напластовалось время. Старуха с коричневыми подглазьями, жившая, когда еще не было его родителей; сам он, двадцатипятилетний молодой мужчина, живущий сейчас; что-то другое, новое, которое за бревенчатыми стенами обещала подмывающая берег Река. В одном и том же доме сети, которые чинили и двести, и триста лет назад. И недавно появившийся в Рябинках телевизор. И то неизвестное, что еще только в начале, в самом зародыше, но к чему вела вся предыдущая жизнь.

Удивительно. Странно.

В доме последнее время часто переругивались. Кирилловна подворовывала в подхозе комбикорм, свекровь, обнаружив в кладовке новый мешок, принималась выговаривать. Передвигалась она медленно, держась за стены, темные подглазья резко выделялись на бледном лице.

— Ты чего себе думаешь, ведь посадят!

Хозяйка лениво огрызалась:

— Ага, уже идут за мной, суши сухари... Чем поросенка кормить?

— Взяла бы да купила. Совесть у тебя есть?

— Совесть? — Кирилловна выпрямлялась. — Это ты у других спроси насчет совести. Ты тут лежишь, что творится кругом, не знаешь. Да что с тобой говорить!.. — Хозяйка замолкала, продолжала заниматься домашними делами.

Старуха жаловалась Олегу:

— Раньше ничего такого не было. Ну, пару чебаков домой принесет, так это можно. Сейчас-то чего? Ведь посадят, мешками таскат. Чего дается, чего дается...

На новое место дом перевезли в год, когда Олег стал жить с Женькой. Женька была младше брата, рослая приветливая девчонка, она хорошо пела, и когда несколько лет назад в окружном центре открыли школу-интернат для одаренных детей, ее пригласили туда. “Не пуцу, — отрезала Кирилловна. — Скурвится”. Ездившие по селам женщины из отборочной комиссии были в шоке: так говорить о дочери... “Ребята будут под присмотром, не беспокойтесь. Ничего такого мы не допустим”. — “Пусть дома остается. Пусть в клубе поет”. Олега, когда брала на квартиру, Кирилловна сразу предупредила, чтобы держался от Женьки подальше. “Чего это я буду к ребенку приставать?..” — Олег смотрел отчужденно. “Ты не будешь, зато она слишком ласковая. В общем, гляди мне”.

Женьке было пятнадцать, когда Кирилловна застала ее с Олегом в бане. Однако ни кричать, ни бить дочь обтрепанным и оттого особенно хлестким березовым веником не стала. “Ну, чего будем делать?.. Жить с ней будешь?” Олег закинул ногу на ногу, прикрывая темный треугольник паха. “Выйди, дай одеться”. Женька, конечно, глуповата, но девчонка хорошая, ему нравилась. В принципе, можно жениться. Кирилловна сразу из бани не вышла, постояла, глядя то на Олега, то на дочь: “Ладно. Мне заботы меньше”.

К разобранному и перевезенному с берега дому сделали пристройку из новых бревен, в ней и стали жить молодые. Расписывать их в сельсовете (по новому, в сельской администрации) отказались, свадьбы Кирилловна тоже делать не стала — незадолго до этого умерла свекровь. Говорить-то перенести дом старуха говорила, однако сама на новом месте прожила недолго. С ней словно ушло время, в котором она жила. По крайней мере, ни от кого о сороковых, а тем более о тридцатых годах Олег рассказов больше не слышал. Жизнь, казалось ему, стала плосковатой, лишилась глубины.

Женька продолжала ходить в школу, Олег же устроился линейным обходчиком на трубопровод, который качал куда-то попутный нефтяной газ. Рыбоучасток к тому времени закрыли, рыбозавод тоже не работал. Его то ли приватизировали, то ли обанкротили, толком никто не знал, слухи ходили темные. Слова “рыночная экономика”, “ваучер”, “дивиденды”, “общечеловеческие ценности”, которые без устали повторяли радиоточка и телевизор, стали привычными.

На свой пост Олег ездил на лодке. Можно было вместе с другими обходчиками каждые две недели (работа была вахтовая) летать на вертолете, но он предпочитал своим ходом. Возвращаясь к деревне, пристально смотрел на высокий берег. С воды обрыв выглядел особенно впечатляюще. На первый взгляд, менялся мало. Изрезанный дождевыми стоками и мелкими глинистыми осыпями, он казался освеженным боком огромной туши, цветом напоминал старый подкожный жир. Нависавший сверху дерн походил на остатки шкуры. Окончательно сползли в воду последние строения рыбоучастка, обрыв подбирался к росшей выше кедровой гриве.

Все, казалось, было как две недели назад, но Олег знал, впечатление обманчиво. Так кажется, что часовая стрелка стоит, и нужно время, чтобы заметить ее медленное упорное движение. С каждым летом обрыв всё больше входил в материк, а пески противоположного берега всё очевидней вдавались в Реку, образуя зарастающий тальником мыс. Там появлялась своя жизнь.

Несмотря на близость деревни, мыс облюбовали ондатры, а летом там гнездились речные чайки хален, они с истошным криком пикировали на проезжающие лодки. Одна жизнь теснила другую.

Ликвидация подхоза вызвала в Рябинках намного больше эмоций, чем то, что закрыли рыбоучасток. В начале девяностых нефтяники перестали в подхозе нуждаться — в страну в изобилии пошли продукты из-за границы. Нефтяники не мелочились, подхозовский скот, технику и строения передали тем, кто решил стать фермерами. Было много крика, женских слез, рушились давние дружбы. То, что раньше дремало в людях, вылезало наружу. Доходило до драк и стрельбы. Один из свежеиспеченных фермеров захватил гараж с тракторами и другой техникой и стрелял в каждого, кто пытался подойти. На уговоры не поддавался. Пришлось вызывать из города ОМОН.

— Интересное, говорю тебе, время! Главное, сопли не жевать, соображаловкой работать!.. — Киндинов звучно шлепал себя по лысине и смеялся. Как раньше в разговорах о женщинах, он азартно подавался вперед, подмигивал. — Такой шанс раз в сто лет дают. Думай, голова, думай, шапку куплю!.. — И опять хлопал себя по лысине и смеялся.

Киндинов один из первых оформил фермерство, предлагал Олегу вступить в долю. Но тот не захотел. Как и на рушащийся берег, он предпочитал смотреть на происходящее с расстояния. Если очень близко подходить, смазывалась картина, глаз цеплялся за мелочи. Да и опасно было подходить слишком близко. В новогоднюю ночь, подперев снаружи дверь, Киндинова сожгли вместе с домом. Обуглившийся труп невозможно было узнать. Поджигателей не нашли, да и не особенно искали. Времена, действительно, наступили интересные...

— Ты вот чего, — сказала однажды Кирилловна. — Долго еще Женька яловой ходить будет? Сделай ей ребенка.

Олег озадаченно посмотрел на тещу. К ее прямоте он привык, но здесь было что-то еще.

— Так ведь учится, выпускной класс.

— С ребенком у ней хоть забота появится. Не то что сейчас.

Кирилловна после подхоза долго не могла устроиться, в деревне работы не было. И лишь недавно стала летать на дальнее месторождение, ее взяли в столовую посудомойкой. Женька оставалась дома одна, Валерка второй год учился в институте и приезжал домой только на выходные. Кирилловна что-то недоговаривала.

Олег стал забирать жену с собой на пост. Но там ей было скучно, она просилась обратно в Рябинки. Как-то он взял у напарника широкие охотничьи лыжи-подволоки и, отмахав по заснеженной Реке десятка полтора километров, неожиданно появился домой. Женьку он застал с одноклассником. Избив обоих, зло допытывался у жены:

— Потерпеть две недели не могла? Этот салага лучше, что ли?

— Он динамичный, — закрываясь подушкой, всхлипывала Женька.

— Что? — от неожиданности Олег остановился. — Это какой — динамичный? Лучше как мужик, что ли?

— С ним интересней. Ты старый.

Оказалось, одноклассник был у Женьки не единственный. В отсутствие Олега в их пристройке побывали и другие рябинковские ребята. Жить после этого с Женькой Олег не захотел. Он уехал в город, стал снимать комнату. Жалко было оставлять лодку, старицы, Реку с ее таинственной жизнью, но ловить на себе насмешливые взгляды тоже не хотелось.

Потом была еще много всего. На какое-то время Олег даже уезжал на родину, но жить там не смог. В конце концов опять вернулся на Север, подкопил денег и поступил на дорогие курсы слесарей по ремонту КИП и А*. По окончании побывал едва ли не на всех нефтяных месторождениях,

* КИП и А — контрольно-измерительные приборы и автоматика. — Ред.

объездил автономный округ вдоль и поперек. Уже за тридцать женился на медсестре с ребенком, вскоре у них родилась дочь, которую они в честь погибшей в автокатастрофе английской принцессы назвали Дианой.

Однажды бригаду командировали на ближее от Рябинок месторождение. По пути обратно Олег попросил вертолетчиков посадить его в деревне. Рябинки заметно отступили от Реки. На улицах появились светильники. Потеснив тайгу, выросло несколько новых, обшитых металлопластиком домов. Вышка релейной станции была унизана ретрансляторами мобильной связи. На улицах почти никого не было видно, а те, кто встречался, Олега не узнавали. Наверно, потому, что к своим сорока пяти он располнел и стал носить очки от дальнозоркости. Вместо рыбоучастка и подхоза новых производств в Рябинках не появилось, но люди продолжали как-то жить, деревня существовала.

Заходить к Кирилловне Олег не стал, хотя ее дом нашел сразу. Возможно, Женька до сих пор жила с матерью, а встречаться с ней не хотелось. Он вышел к Реке. Чистое заснеженное пространство раскинулось в обе стороны. Синели редкие следы “Буранов”.

Насколько берег продвинулся вглубь материка, судить было трудно — полную картину скрадывал снег. Тальник на той стороне стал ближе, а это значило, Река продолжала менять русло. Но внешне выглядело все спокойно, даже умиротворенно. Жизнь и здесь, и в деревне, несмотря ни на что, устраивалась, разве что становилась другой. Непривычной только для тех, кто в Рябинках долго не был, а для остальных примелькавшейся, обыденной. Однако думал об этом Олег уже спокойно.